

Главный зал Зала Надзора был погружен в торжественную тишину, нарушаемую лишь трепетом пламени в бронзовых светильниках. Старейшина Фу Янь, чье лицо напоминало грозовую тучу, сидел за резным дубовым столом, сжимая в руках нефритовую печать. Его пронзительный взгляд метал молнии между двумя учениками, стоявшими на коленях на холодном каменном полу.

— Объясните немедленно! — его голос громыхнул, как весенний гром. — Какое право вы имели устраивать потасовку за спиной у старейшин?!

Особое внимание он уделил высокому юноше справа, чья осанка даже сейчас оставалась вызывающе прямой. Фу Янь с силой ударил кулаком по столу, отчего дрогнули даже чернильные приборы:

— Особенно ты, Сюэ Лан! Тридцать ударов плетью в прошлый раз оказались для тебя слишком легким наказанием? Раны еще не затянулись, а ты уже снова ввязываешься в неприятности! — Его седые брови сомкнулись в одну сплошную линию. — Что ты вообще задумал, мальчишка?!

Сюэ Лан стоял на коленях с неестественно прямой спиной, его пальцы впились в бедра так, что костяшки побелели. При этих словах в его глазах, обычно холодных, как зимнее озеро, вспыхнули настоящие языки пламени.

— Он заслужил, — сквозь стиснутые зубы вырвалось у него, каждый слог был пропитанный ядом.

Фу Янь откинулся на резную спинку трона с таким видом, будто ему только что плюнули в лицо. Его старческие, покрытые прожилками руки сжали подлокотники.

— Так-так... — он говорил медленно, с опасной мягкостью. — Значит, по-твоему, избивать собрата по секте - это вполне оправданно? Тогда просвети меня, мудрец: за какие же такие прегрешения ты устроил самосуд над Тун Чжуном?

Но Сюэ Лан лишь сильнее сжал челюсти, его взгляд уперся в каменную кладку за спиной старейшины. Молчание повисло тяжелым свинцовым покрывалом.

Фу Янь, за тридцать лет службы в Тайсюань повидавший всякое, редко встречал такое вопиющее упрямство. Жилы на его висках пульсировали, словно готовые лопнуть от напряжения. С громким вздохом он повернулся ко второму участнику инцидента:

— Что ж, если лев нем, придется слушать шакала. Тун Чжун, расскажи мне, как все было!

Контраст между двумя учениками был разительным. Если Сюэ Лан отделался парой царапин, то Тун Чжун выглядел так, будто через него проехалась телега, груженная кирпичами. Его лицо, обычно круглое и румяное, как свежее испеченная булочка, теперь напоминало перезревший

баклажан. Оба глаза превратились в узкие щелочки между опухших век, из разбитой губы сочилась сукровица, а правая рука, вероятно, переломанная в нескольких местах, неестественно дергалась.

— Ста-старейшина... — его голос напоминал шипение проколотого меха, — Сюэ Лан... он сначала отнял мою личную вещь... а потом... — он всхлипнул, демонстративно вытирая кровь рукавом, — ударил первым! Без всякого предупреждения!

Фу Янь перевел взгляд на Сюэ Лана, ожидая опровержения. Но тот лишь презрительно скривил губы, что в данной ситуации выглядело как молчаливое признание.

— Я задаю вопрос в последний раз, — голос старейшины стал тише, но от этого только опаснее.
— Почему ты напал на Тун Чжуна?

Тишина в зале стала такой плотной, что можно было резать ножом. Даже храмовые стражи у дверей затаили дыхание. Наконец Фу Янь взмахнул рукой с таким видом, будто отмахивается от назойливой мухи:

— Двенадцать часов в камере изоляции. Можешь идти размышлять о своем поведении. Надеюсь, темнота поможет тебе найти ответы, которые ты не смог дать мне.

Камера изоляции... Даже самые отъявленные нарушители в Тайсюань бледнели при этом словосочетании. Если Утес Размышлений был просто уединенным местом с суровым климатом, то камера представляла собой нечто куда более изощренное. Крошечное каменное помещение без окон, без мебели, без малейшего источника света. Когда массивная дверь с железными засовами захлопывалась, тьма становилась абсолютной настолько, что через час человек начинал сомневаться в существовании собственных пальцев перед лицом.

Но самое ужасное было не это. Как обнаружил Сюэ Лан, едва переступив порог, в камере существовал особый подавляющий механизм, не позволявший погрузиться в медитативное состояние.

Медитация - основа основ для любого культиватора. Войдя в это состояние, можно было провести хоть месяц без еды и воды, не заметив течения времени. Но здесь... Здесь сознание оставалось кристально ясным, а тело - неестественно бодрым. Никакого забытья, никакого спасения от мучительного ожидания.

Сюэ Лан прислонился к холодной стене и медленно съехал на пол, скрестив руки на груди.

— Чертова психушка... — пробормотал он, закрывая глаза. Но даже веки не спасали от всепоглощающей тьмы.

Он начал отсчитывать секунды в уме. Когда, по его расчетам, прошло около трех с половиной

часов (а ощущалось как минимум как десять), в абсолютной тишине вдруг раздался звук, от которого он вздрогнул всем телом:

— Сюэ Лан.

Он напрягся, но не ответил. Галлюцинации были обычным делом в таких условиях. Наверняка его разум начал играть с ним злые шутки.

— Ты спишь? — тот же голос, тихий и теплый, каким он слышал его лишь в редкие моменты, когда старший брат забывал о сдержанности. — Хотя вряд ли... здесь же нельзя заснуть.

Сюэ Лан резко открыл глаза. В крошечной тьме перед ним парило мягкое сияние. Маленький бумажный журавлик, белый как первый снег, медленно махал крыльями, оставляя за собой серебристые следы, похожие на россыпь звезд в ночном небе.

— Ты... — он невольно протянул руку, но остановился в сантиметре от хрупкой фигурки. — Мэн Чэнь?

Журавлик сделал изящный вираж, и ему почудилось, что он видит в этом движении характерную манеру старшего брата слегка наклонять голову, когда тот о чем-то задумывается.

— Это я, — подтвердил голос, теперь явно исходивший от бумажной птицы. — Ты в порядке? Там же холодно...

Сюэ Лан внезапно ощутил, как комок подкатывает к горлу. Он сглотнул и резко отвернулся:

— Да нормально я... Погоди-ка! — его мозг наконец осознал абсурдность ситуации. — Как ты вообще умудрился запустить этого журавлика сюда? Это же... — он осекся, понимая, что сам факт такой связи явно нарушал все мыслимые правила секты.

Журавлик замер в воздухе, будто задумавшись. Затем, явно сменив тему, продолжил:

— Мне сказали, ты подрался с учеником с пика Юйхуа. Что случилось на самом деле?

Сюэ Лан скрестил руки еще плотнее и уткнулся подбородком в грудь:

— Ничего особенного. Просто он мне не понравился. Внешность противная.

— Не верю, — бумажная птица мягко коснулась его щеки, заставив вздрогнуть. — Ты не из тех, кто бьет людей просто из-за антипатии. Даже когда ты ненавидел меня, ты бросался в драку

только когда я сам провоцировал.

В голосе Мэн Чэня звучала та самая упрямая убежденность, которая всегда выводила Сюэ Лана из себя. Он стиснул зубы, чувствуя, как гнев снова поднимается в груди при воспоминании о том, что он увидел в альбоме...

Сюэ Лан нахмурился и раздражённо проговорил:— Почему тебя это так беспокоит? Тебя это вообще не касается. Просто уходи скорее, не нарушай мой покой.

Если ты не уйдёшь сейчас, что, если Старейшина Дисциплины тебя заметит?

Бумажный журавлик на мгновение замер, его крылья дрогнули, будто от лёгкой обиды.

— Тогда... мне уйти?

В темноте Сюэ Лан сжал кулак, заставляя себя не смотреть в сторону журавлика.

Не получив ответа, бумажная птица медленно направилась к двери, но на полпути обернулась и тихо спросила:

— Правда уйти?

В груди Сюэ Лана кольнуло, но он стиснул зубы и закрыл глаза.

Воздух снова стал безмолвным. Сюэ Лан подавил пустоту, разливавшуюся в сердце, но вдруг почувствовал лёгкое щекотание на кончике носа. Он открыл глаза и увидел, что маленький журавлик вернулся и устроился у него на носу, лениво взмахивая крыльями, словно обнимая его в утешение.

— Осталось всего восемь часов, — прозвучал голосок, полный улыбки. — Тяжело терпеть в одиночестве. Я составлю тебе компанию.

***

К вечеру начался мелкий дождь. Под серебристой пеленой дождя горы Сюйшуй казались ещё более живописными, окутанными дымкой, прозрачной и чистой, словно сон.

Сюэ Лан в плетёной бамбуковой шляпе, с мешком в одной руке и лопатой в другой, присел на корточки среди лекарственного сада, усердно удобряя ростки целебных трав.

Он думал, что после выхода из изоляции наказание закончится, но вскоре получил послание от

Старейшины Фу:

«Будешь убирать гору Сюйшуй следующие семь дней, и лекарственный сад тоже переходит под твою опеку. Раз у тебя столько нерастраченной энергии, можешь послужить на благо секты».

Выбора не было, и Сюэ Лан покорно вернулся к работе. Из-за дождя на горе почти не было учеников, лишь две девушки с Пика Цуйся, под зелёными бамбуковыми зонтами, подошли к затенённому склону неподалёку. Осторожно приподняв подола одежды, они присели на корточки.

— Говорила же, брось эту затею, а ты всё равно притащилась сюда под дождём...

— Увидишь, в этот раз точно получится! Моё сердце полно искренности!

— Ладно, ладно, только давай быстрее!

Их разговор был странным, и Сюэ Лан невольно взглянул в их сторону. Одна из девушек, сложив ладони и крепко закрыв глаза, что-то шептала зелёному ростку у земли. Через мгновение она распахнула глаза, полные надежды, но тут же лицо её исказилось разочарованием, будто она вот-вот готова была заплакать.

— А-а, опять не расцвело!

Подруга поспешила утешить её:

— Эх, я же говорила, что это всего лишь легенда, не стоит воспринимать всерьёз...

Заметив взгляд Сюэ Лана, девушка смущённо улыбнулась:

— Наверное, мы выглядим смешно в глазах младшего брата.

Сюэ Лан колебался, затем спросил:

— Вам помочь?

— А? Нет, не нужно, — ответила ученица. — Разве младший брат не слышал легенду о Лунном Цветке?

Увидев его недоумение, она продолжила:

— Говорят, что когда-то великий демон влюбился в благородного бессмертного и всеми силами пытался добиться его расположения. Однажды ему досталось семя, из которого, как говорили, должен был вырасти самый чистый и прекрасный цветок в мире. Но земли демонов суровы и бесплодны, и цветок никак не хотел распускаться. Демон объездил весь континент в поисках плодородной почвы и духовной воды, терпеливо ухаживая за растением. И через три года цветок наконец расцвёл!

С тех пор легенда передаётся из уст в уста, а Лунный Цветок стал символом самых истинных и чистых чувств. Говорят, что лишь самый искренний человек способен заставить его расцвести. Все говорят, что этот росток у лекарственного сада на горе Сюйшуй и есть тот самый цветок. Ученики часто приходят сюда, чтобы проверить, но ни у кого не выходило, потому никто и не знает, правда ли это.

Закончив рассказ, она взяла подругу под руку:

— Ладно, не грусти. Старший брат Чжао наверняка знает о твоих чувствах. Не обязательно доказывать их этим цветком.

— Но я так хочу подарить ему что-то особенное...

— Разве вышитый мешочек не достаточно мило? Давай, я научу тебя вышивать...

Фигуры девушек постепенно растворились в дождевой пелене. Сюэ Лан долго стоял неподвижно, затем огляделся, надвинул шляпу пониже и тихо подошёл к тому месту, где они только что сидели.

***

Когда дождь прекратился, была уже глубокая ночь.

За окном банановые листья, омытые дождём, казались ещё более сочными и зелёными. Внутри, в тусклом свете лампы, кто-то сидел за столом, погружённый в чтение.

Внезапно в оконную раму тихо постучали. Взгляд Мэн Чэнь дрогнул, и он поднял глаза.

Но за окном снова было тихо.

Мэн Чэнь слегка нахмурился, отложил книгу, подошёл и распахнул окно.

Снаружи была лишь ночная тьма да одинокая луна в вышине. Ни души, только маленький глиняный горшок на подоконнике, а в нём... крошечный цветок, белый, как иней.

Точнее, это был ещё нераспустившийся бутон, робкий и нежный, трогательный в своей хрупкости. Но он был невероятно прекрасен. Его лепестки, будто припорошённые серебристым морозом, словно купались в лунном свете , или, может, это была упавшая с неба звезда, ослепительная и чистая.

Мэн Чэнь на мгновение замер. Он осторожно протянул палец и коснулся бутона. Тот дрогнул, а затем, будто обрадовавшись, раскрылся чуть шире.

Мэн Чэнь бережно взял цветок в ладони, затем взглянул на следы, оставленные в банановых кустах под окном. Через мгновение его глаза смягчились, и на губах появилась тёплая, искренняя улыбка.

<http://bllate.org/book/14626/1297703>